

Домашний кинотеатр

рассказ

Жизнь, как утверждают знающие ее люди, состоит из работы, отдыха и любви.

Работа — что скажешь? Не по-человечески мы работаем, а чтобы забыться, запоями: вспомнить потом не можем, что делали, от чего устали. Работающий персонаж жалок или смешон, особенно женщина. Дело надо делать, господа! — О работе рассуждают одни бездельники.

Отдых — того хуже. В Турции и Египте, на Кипре и в Греции. Или тут прямо — засилье отдыха. Дядя, мы отдохнем! Натя, сбылось.

Поговорим-ка мы о любви. Вот свадьба.

Вот свадьба: жених — Кирилл, невеста — Мила. Нас пригласили родственники Кирилла, точнее — его отец: обеспечить веселье, разбавить собой компанию, которая невелика — женятся математики.

Ресторан расположен среди таких же, как он, двух-трехэтажных домиков, закрыт от улицы голубеньким особнячком. Флаг черт-те какой, сине-желто-зелено-черный, и написано белой замазкой: Посольство Танзании. Людей никого. Только след от почтового ящика и — фломастером: «Осторожно, сосульки». Надо же! — на дворе сентябрь. Хорошая, видно, страна. Вообще, хорошо тут.

Что мы видим, зайдя в ресторан? — немислимых размеров коробки: HARMAN/KARDON. И ниже, гигантскими буквами: ДОМАШНИЙ КИНОТЕАТР.

— Китай не стоит на месте, — подает голос Петечка, осветитель наш.

Художник по свету, алкоголик сорока с небольшим лет. Всем нам немножко за сорок, некоторым — уже давно.

Мы кое-что знаем о происхождении невесты, мы догадываемся, откуда взялись коробки. Подарок папаши ее. — Безвкусица! — Чего вы хотите от провинциального подполковника? Бедная Настя. И бедный Сом.

Ресторан обставлен в немецком стиле — сизой какой-то мебелью, что опять-таки несущественно, поскольку женятся — математики.

Итак, действующие лица. Невеста — Мила. Жених — Кирилл. Отец жениха — Сом. Сом Самойлович, Самуил Самуилович — русский человек, наш брат, артист. Большая лысая голова, усы. У артиста не должно быть усов, Сом — исключение. Сколько лет уже сцену топчет, а под старость жизнь ему улыбнулась — да как! — во весь рот! Новая жена, она тоже здесь, хотя, вроде

бы... Но зачем и жениться на молодой — дома ее держать? — тем более эту, кажется, не удержишь.

Мы находимся в предвкушении. Шум-гам, скандалчики, всем друг от друга чего-то надо — нас ждут драгоценные наблюдения, нам предстоит понервничать. Мы любим нервничать, всякого рода переживания — это источник творчества, вдохновения, а пока что сдаем в гардероб зонтики и плащи, прихорашиваемся перед зеркалом. Скорее, скорей, началось!

— А, вы тут...

— Тут, тут, Анастасия Георгиевна.

Этикет нам преподавала, был предмет у нас такой. Скукожилась немножко, подсохла наша Анестезия, но все еще хороша для своих-то лет. Говорят, матку недавно отрезали. Мы побаиваемся Анестезии по старой памяти: «Артисты имеют право быть идиотами, но вы, молодые люди, злоупотребляете своим правом!» — так она учила нас в прежние времена.

— Как вы? — спрашиваем.

— Ничего, — говорит, — с Божьей помощью.

Понятное дело, так себе: муж бросил, сын теперь женится неизвестно на ком, на дочери военнослужащего.

— Я всегда на стороне женщины, Анастасия Георгиевна, — говорит Алена наша, Аленушка. И изящно жмет Насте руку пониже локтя, научилась в «Вишневом саде».

— Женщины? Какой именно? — спрашивает Анестезия холодно.

Ладно, мы только хотели ее поддержать.

Теперь — родственники со стороны невесты. Тут еще интересней. Потом, все потом, Анестезия просит нас пройти в зал. Сама она вышла, говорит, подышать. Воздуха не хватает.

— Кричали «горько»?

— Нет, — отвечает Анестезия. И, она надеется, на свадьбе ее сына хоть в какой-то мере будут соблюдены правила не то что приличия — душевной гигиены. Хоть кем-нибудь. — Вот, — показывает на коробки, — видели?

Ладно, чего там. Подарок привез человек, дочь замуж выходит, родная кровь.

— Кровь? Его там — только сперматозоиды, — шипит Аленушка.

В смысле вкуса можете на нас положиться. Всецело, Анастасия Георгиевна.

Заходим, оглядываемся, размещаемся.

Гости сидят не вместе, редко. Сом, например, один.

— Тák-это, — говорит нам.

«Так это» у него вместо «здравствуйте», а где его новая... как ее? — ей бы Елену Андреевну играть, жену профессора в «Дяде Ване», красивое туловище, сегодня — почти что в одних трусах. Многим нравится. И Сому оно приглянулось, если после стольких-то лет...

Петечка — сразу к туловищу.

— У нас с Сомом непонимание, — говорит оно Петечке. — Непонимание меня.

Шуршим подарками, скромными, симпатичными. Дарим, в частности, молодым автобус, расписались на нем, всем театром. Двухэтажный, английский, с правым рулем, чего только нет в «Детском мире».

— Горько! — орет Петечка. — Горько!

Жених с невестой растерянно переглядываются, целуются все же, слегка.

— Еще, еще! — не унимается Петечка, коньяка уже хлопнул.

Да погоди ты, дай людям рассесться, налить!

Между гостями много пустот, мы протискиваемся, занимаем их.

Смотрите-ка, официант-негр!

— Послушай, э-э... милый, приборов нам принеси, — просит Сом. — Как объяснить этой Лумумбе, что у нас едят вилками?

Теперь, когда мы пришли, сцена полна людьми.

Сцена полна людьми, и самые интересные — не Сом и не туловище, даже не трагическая Анестезия и уж, конечно, не математики — мы в театральный пошли, чтоб математику не учить. Родители Милочки — вот кто! Мы первый раз с ними видимся.

Мы — первый, а они между собой — второй: заделали Милочку и — привет. Как мамашу ее зовут, предстоит выяснить, а подполковника мы сразу же, не сговариваясь, прозываем Вершининым. Мила его разыскала, сообразительная. Кто-нибудь помнит имя-отчество того Вершинина, настоящего? Этого Эмилем зовут. Мила, значит, — Эмильевна, ну и ну!

Мамаша ее и Вершинин хоть и рядом сидят, но не вместе, не рядышком, так что Алена втискивается между ними и говорит так:

— Когда я была девушкой, то читала «Анну Каренину» совсем иначе, чем когда стала женщиной. Помните, как Левин потерял интерес к Кити, после того как она родила? У меня тоже был знакомый, который пять раз женился и каждый раз после родов оставлял жену. Вас, простите пожалуйста, как зовут?

Алена — на стороне женщины. На Вершинина — никакого внимания, будто нет его. Рыжий такой, фактурный мужчина. Сидит улыбается.

— Теплая, — говорит, — осень. Повезло с погодой.

Понятно. Есть такая профессия — Родину защищать.

Сом, замечаем, с ним уже переглядывается: не сесть ли им вместе? не выпить ли за более близкое, так сказать?..

— Хорошо тут, в Замоскворечье, мне нравится. В этой части своей Москва не хочет казаться Европой, не правда ли?

Вот что, не умничай, подполковник! Дадим тебе слово. Во благовремение.

Как все-таки зовут маму Милочки? — Кира. — А полное имя? — Валькирия, — кричит Петечка. — Так, этому больше не наливать! — Мы подхватываем: Валькирия! Что-то грузинское, менгрельское, точно! Знаете анекдот про коррозию? Не про коррозию — про коррупцию! Никто не обидится, грузин нет? Да скажет же кто-нибудь тост?!

Кира и скажет. Встает — молодая еще женщина и вполне себе ничего, только стричься зачем так коротко?

— Мы счастливы, что наша дочь... — заметили это «наша»? — попала в семью к замечательным людям, в замечательную компанию. Многих из вас мы видели в театре, в кино и по телевизору...

Ха-ха! И еще увидите, у вас же теперь — домашний кинотеатр!

— У вас же харман-кардон! — кричит Петечка.

— ...А Милочку я научила, — продолжает Кира, — чтобы был порядок в шкафах и в доме пахло пирожками. И еще у нее всегда есть желание, чтобы было все хорошо, понимаете?

Выпьем! Откуда это про порядок в шкафах?

Милочка улыбается, шепчет Кириллу на ухо. Тот оглядывается. Мать. Возвратилась с воздуха. — Что, полегчало, Анастасия Георгиевна? — Машет рукой: а!

— По японскому календарю... — начинает свою речь Алена.

Сом грохает по столу:

— Япона мать! — сегодня он как-то особенно красноречив.

Праздник набирает обороты.

Мы желаем молодым всего: состариться на одной подушке, быть вместе, пока...

— И потом, потом! — кричит Аленушка, она верующая. Раздобрела очень, как стала в церковь ходить, поправилась.

И деток, конечно же. Плодитесь и размножайтесь. А может, невеста уже в положении? Зачем иначе выскакивать замуж в девятнадцать-то лет?

— По поводу «и потом» позвольте историю... — просыпается вдруг Вершинин.

Надо бы, подполковник, этикету тебя подучить. Дай же договорить даме!

Чего еще пожелать молодой семье? Достатка, естественно.

— Если едете под мостом, а на мосту поезд, — Аленушку не собьешь с толку, — держитесь за кошелек... Или еще лучше — выйти к молодому месяцу и попросить: месяц, дай денежку.

— Очень способствует, — кивает Петечка. — Даже в доме можно свистеть.

Нет, в доме свистеть нельзя, в театре — тем более.

Хорошая свадьба, весело. Время от времени Мила с Кириллом дотрагиваются друг до друга губами, уже безо всякого «горько».

Может, скажет кто-нибудь из коллег? Вон они сидят, математики. Симпатичная публика. Не спились, не стусовались ребята, учатся. Не всем быть артистами. Встает длинный, — о, Господи! — в трениках!

— Большой, — шепчет Алена, — талант. — Все успела узнать.

Получил недавно важную премию. Финскую. Имеет право ходить без брюк.

— Доказательство принадлежности функции четности... — Что он несет? К какому-то экспо... Язык сломаешь! — Это откуда? — Поди ж ты! Булева алгебра. — Век живи!.. Буль. Буль-буль. Ну, поехали! — Не забывайте и про ням-ням. Тем более, вилки наконец-то доставили, теперь мы в полной комплектции. Фофан. Слыхали?! Фофаном негра зовут. Ничего, старик, у нас самый лучший поэт был негр.

А Петечка — камень, кремьень, эдак дотянет до сладкого. Приготовил отдельный подарок. Прекрасный штопор: желтая юбка, рожица наверху.

— Но поскольку, Кирилл, мы тебя знаем как доброго мальчика, ты его скоро подаришь кому-нибудь.

— Или потеряешь, — вздыхает Анестезия. — Он все теряет.

— ...Поэтому я поручаю штопор твоей жене, а тебе... — Петечка достает выдавший виды, с деревянной ручкой, — еще один штопор. — Bravo! — Чтобы дом был полная чаша! — Все сбудется, Петечка, твои тосты — как молитвы праведников — действуют безотказно, наверняка.

Хорошая свадьба. Но должно это напряжение — Кира — Вершинин, Анестезия — Сом — во что-нибудь воплотиться. Скандальчик будет?

А вот и он. С ожидаемой стороны. Елена Андреевна, новая Сомова женщина, решила себя проявить.

— Я когда оказалась в Москве, — э, да ты еще и того, нездешняя? — обнаружила, что первые шаги мне предстоит сделать при участии мужчин...

Скажите-ка! Вот открытие!

— И что именно, миледи, вам удалось из задуманного осуществить?..

Ах, не связывайтесь, Анастасия Георгиевна!

Квартира, говорит. Квартира у нее на Остоженке.

Сом сидит, не шевелится. То ли стонет, то ли рычит. О, расскажите, давайте, выкладывайте, мы жаждем подробностей. Сом, Сомушка, не рычи.

— Подробностей? — Какая уверенная в себе мадам! — Квартира хорошая. Паркет. Настоящий. Не ламинат.

Да не этих подробностей! — Первый муж ее был, оказывается, архитектором из Румынии. Все ей оставил — свято-о-ой человек!

— Но! Все-таки! — восклицает Сом.

А что построил? — Она же сказала: квартиру. — Румын — молодец!

— А Сом, это о-о-о... Брутальность. Если мы когда-нибудь с ним расстанемся... — Елена Андреевна обращается к женской аудитории. — Вы должны попробовать. Обязательно.

— По этому поводу вам не следует беспокоиться, деточка, — отчетливо выговаривает Анастасия Георгиевна — какая она стала белая! — пот на лбу, опять выбирается из-за стола. Несчастный Кирилл в растерянности: тоже встал, потом сел.

Мила поворачивает голову в сторону туловища, но говорит, словно сама себе:

— Сколько же у вас слов... во рту!

Умница. Хорошую взяла паузу. Точно — будет порядок в шкафах. Девочка еще, а как сказала! Мол, не смеем вас больше задерживать, Елена Андреевна, ни минуты. Кирилл смотрит на Милочку с благодарностью. Туловище встает и твердой походкой — к выходу. Мимоходом Сом целует в лысину:

— Я ранима, — говорит, — чрезвычайно. До крайности.

Бывает. Нам будет не доставать Елены Андреевны, мы успели привыкнуть к ней и рассмотреть ее всю, оценили и тяжеловесную ее грацию, и жирок, и пушок, и изгибы, ямочки, — там, где спина переходит в...

— Это мужское у них, внекультурное! — шепчет Алена Кире, она видит, какими взглядами мы проводили туловище.

И то сказать: а какая корысть у Елены Андреевны в старом Соме Самойловиче, актере предпенсионного возраста? Сом ведь к ней перебрался как был, как ушел однажды на репетицию... Может быть, она с детства, с отрочества им

любовалась по телевизору — там, откуда приехала к нам? Да и никакая она не Елена Андреевна, Олей ее зовут. Ничего мы не знаем на самом деле. Вот ничегошеньки.

Сидим, выпиваем, едим горячее. Но — тревожно. Такое чувство: что-то произойдет. Должно. Нет, вроде нормально все. Показалось. А показалось ли?

Расскажите театральную историю какую-нибудь, просят нас математики, всем в действительности неловко, Сома жалко, Анестезию... А где она?

Какую рассказать вам, ребята, историю? Про Епиходова? Нет, не эту, что вы подумали. У нас в театре несколько лет назад один артист начал играть Епиходова и помер, другого только ввели в роль — тоже помер. Кто теперь Епиходова согласится играть? Сняли спектакль... Не знаем мы, что рассказать.

Вот Петечка тихо просит официанта, не Фофана, а другого, белого, принести ему к мясу вина. Тот — громко так, на весь стол:

— Сейчас я подам карту вин.

— Да какую карту?.. Красненького принеси. Подешевле. — Эх, Петя-Петечка...

Алена болтает на свой манер: мужчина сотворен из праха, женщина из ребра, так что женщины совершенней... — На все у тебя, Аленушка, — простые, неправильные объяснения...

Что-то будет, что-то стрясется, вот-вот. Мы можем заблуждаться по разным поводам, но тут — стопроцентная интуиция: что-то точно сейчас нехорошее произойдет.

И точно. Ба-бах! Из передней, где коробки стоят, раздается звук падающего тела, должен был кто-то об них себе шею сломать. Все вскакивают — и туда! Суматоха, работники ресторана мечутся. — Алло, «скорую»! — Да что там такое, что? — Анастасия грохнулась на пол, потеряла сознание! Этого следовало ожидать. Странно, что раньше не грохнулась, не хотела сыну испортить праздник.

Мы бросаемся к Анастасии Георгиевне: несчастная лежит на полу, шиньон соскочил. Боже мой, почти лысая! Да поправьте вы юбку ей! Помогите поднять! Мы вопим, суетимся, и тут поперек нестройного хора раздается голос Вершинина:

— Так, отойдите все!

Ты чего раскомандовался?

Голос Киры:

— Пустите, он врач.

Да, действительно: чаша со змеей на лацканах. Почему ты раньше молчал?

— Натe, возьмите, — говорим мы ему, — таблеточки. Хорошие, помогают.

— Вот и примите их сами, раз помогают.

Ох, ничего себе!

Ладно, давай, прояви себя. Мы предпочитаем акупунктуру, восточные практики, но и к официальной медицине у нас в таких случаях доверие есть.

Вершинин склоняется над Анестезией, трогает шею, платье расстегивает.

— Подайте мне, — говорит, — мой портфель. И ноги ей поднимите.

Петечка берет ее за ноги.

— Нет, — говорит Вершинин, — так ты долго не простишь. Ага, подвиньте сюда коробку, переверните, вот так.

Анестезия застонала, зашевелилась.

Какой он, харман-кардон, оказывается, у тебя целебный.

Тихо становится. Вершинин еще что-то довольно спокойно делает с нашей Анестезией, мы не видим, что именно. Потом поднимает взгляд, смотрит по сторонам. Совсем нестарый еще, младше нас. Кто ему нужен?

— Мы чем-то вам можем помочь?

— А? — спрашивает Вершинин.

Анестезия между тем ожила.

— Нет, ничего, — говорит Вершинин. — «Скорую» отмените. И давайте переместимся куда-нибудь на диван.

Чудо, ну просто чудо! Ай да Вершинин! Какой же он после всего Вершинин? Наверное, знаменитость, светило. Наверняка.

Они еще некоторое время переговариваются с Анестезией, до нас долетают разные их слова, некрасиво подслушивать, да мы ничего и не разберем. Голос у него низкий, приятный, терапевтический.

— Давайте пока по маленькой за Анастасию Георгиевну, — предлагает Петечка.

— Ну, давай.

Сводили ее в туалет, отряхнули, умыли. Всё, собралась домой.

— Пойдите, куда же вы? Мы вам вызовем автомобиль.

Помогаем Анестезии собраться, поправляем шиньон. Ой, какая у нее шишка! Надо бы приложить холодное... Доктор, посмотрите: там, наверное, гематома! Тот трогает Анестезию за голову: небольшая, говорит, ничего страшного, рассосется.

Анестезия смотрит на доктора, как... невозможно выразить. Ни на кого при нас не смотрела так. Даже на Сома, в лучшие дни.

— Доктор сказал, рассосется, — повторяет Петечка. — Как демократия.

Тоже — шутник. Все же лед принесли.

— Оставьте вы! — совсем оклемалась Анестезия. — Пустое. Дайте я Киришу с Милочкой поцелую.

Слава Богу, очухалась. Каково бы Кириллу было? Сому — тем более. Куда вы, Анастасия Георгиевна? Мы найдем сейчас, кто б вас мог проводить.

— Господи, — говорит она на прощанье, — какие же вы, артисты, все-таки... тупые и нежные.

И потопала к «Новокузнецкой» — с прямой спиной. Цок-цок-цок: обувь она всегда носила хорошую.

Праздник возобновляется, но делается другим.

Промахнулся он с этим дурацким кинотеатром, но как угадаешь с подарком девочке, которой ни разу в жизни не видел? Притом что она твоя дочь. Он бы сам был рад такой вещи. Ему никогда не дарили больших подарков, даже на

свадьбы, хотя он был неоднократно женат. Каждый раз, как сходилась с женщиной, если она, разумеется, хотела замуж. Может быть, кроме нескольких случаев... Но детей не бросал, потому что их, как он думал, не было. Облажался с подарком и оделся неправильно: так показалось, когда артисты пришли. Хотя форму напялил не потому, что нет нормального пиджака: пиджак можно в конце концов одолжить. Но как зато повезло с этим обмороком, а?!

Он давно уволился из Вооруженных сил и работал то там, то сям — разместился кое-как в предлагаемых обстоятельствах.

Кто-то из артистов спрашивает почтительно:

— Вы, наверное, анестезиолог?

Само собой: у Анестезии обморок, а тут — раз — и соответствующий специалист. Он улыбается: нет, хирург.

Его отводит в сторону Самуил Самуилович, здесь у всех прозвища, он успел усвоить: этого зовут Сом. Ему прописали какую-то пшикалку:

— Ее, это... — показывает большим пальцем, — до или после еды?

Сом изъясняется главным образом междометиями, не похож он на человека, которого волнуют какие-то пшикалки. Спрашивает будто бы между прочим:

— У чувихи... опасное что-нибудь?

Нет, вряд ли... Они встречаются взглядами. Ясно, о чем думает Сом: жалко Настю, не видать ей спокойной, достойной старости, сразу спустилась на две ступеньки, не любит Сома, его — особенно. Жалко и стыдно. Что ж теперь?.. Пошли за стол?

— Как все переменялось! — восклицает Алена. — Словно в «Трех сестрах» после пожара.

Надо перечитать. Поменяться бы с ней местами, сесть бы опять рядом с... но пока непонятно, как.

Встреча: ждешь того, кого ждешь, на вокзале, со спокойным, усталым лицом, куришь, разглядываешь встречающих, проверяешь, не расстегнулась ли молния на штанах. А потом происходит встреча, и все меняется.

Так уже было с ними, вернее — с ним, про Киру он не стал бы ничего утверждать положительно — в девяносто первом году, в Петербурге, тогда еще Ленинграде. Он — курсант Военно-медицинской академии и уже понимает, во что наступил, первый год — дисциплина, казарма, он и шел в ВМА, чтобы в армию не попасть, за душой у него — ничего, анатомия, но сегодня речь не о деле, сегодня каникулы, и он отправляется в Русский музей.

Девятнадцатилетний мальчик, никто, курсант, недавно закончилась летняя сессия, он болтается по музею в военной форме и без фуражки: руку к пустой голове не прикладывают, но вероятность встретить начальство невелика. Зал за залом он осматривает музей и наконец видит ее. Девушка стоит у картины «Торжественное заседание Государственного Совета». Умная, свободная и веселая — такой она ему показалась тогда, и теперь такой кажется, так что немедленно — включить обаяние на максимум, повернуть ручку по часовой, до конца, что-нибудь такое выкинуть, обратить на себя внимание.

— Да тут не один Николаша, а целых два!

Николаев Вторых на картине действительно два: один за столом, другой на стене, за спиной у оригинала.

Присутствующие оборачиваются. И она.

Толстая тетка-смотрительница:

— Посетитель, вы что-то говорите не то.

— Хорошо, что осталось кому приглядеть. — Лето тысяча девятьсот девяносто первого, действие происходит при полной гласности.

Девушке нравится, она на его стороне.

Он называет ей свое имя — Эмиль, склоняет голову, светло-рыжую, стриженную более, чем хотелось бы. Даже, кажется, каблуками щелкнул, идиотизм.

Она — Кира. Поступила только что в МГУ, на химический факультет. В Ленинград приехала — погулять. Для назойливых кавалеров у нее заготовлена фраза про отсутствие свободных валентностей, и она произносит ее, безо всякого энтузиазма, потому что, он видит: валентности есть.

— Можно стать другим элементом, — отвечает ей.

Для этого требуется ядерная реакция. И реакция происходит: он куда-то звонит, ловит машину, берет ключи, все получается само собой, обстоятельства подчиняются, удаётся добыть даже кое-какой еды — это летом-то девяносто первого! Они целуются: в первый раз — перед тем, как залезть в машину еще, впопыхах, потом, вылезая из нее, — основательно. Пойдем же, пойдем! Как у поэта: дом на стороне петербургской, ты на курсах, только на курсах — он. А дальше, сказал бы другой поэт, все было, как в Филадельфии. Но в том-то и дело, что у Киры никакой Филадельфии раньше не было — с ней все случается в первый раз. И ночью ей уезжать в Москву.

Если отвлечься на короткое время от него, триумфатора, — вот уж, скажет потом в раздражении Алена — не мужчина, а выигрышный лотерейный билет, — то с Кирой произошло так: в ее жизни с тех пор не было минуты, чтобы она пожалела о той встрече или сочла бы ее случайностью. Случайностей нет. Только непредсказуемость.

Там, на Петроградской стороне, каждый из них переживал что-то свое: он — свободу, ну и — благодарность к ней за то, что она его, совсем мальчика, заметила и отметила, она — возможность физически ощутить любовь. Было бы замечательно эти ощущения возобновлять, но — как уж есть. Подробности Кириной жизни никому не известны: мало ли что могло произойти за двадцать-то лет. Но ему она кажется той же — веселой, с незанятыми валентностями.

А от ленинградской ядерной реакции родился новый элемент, о возможности которого молодые люди и не подумали.

Мила: спокойная, светловолосая. Ногти обкусывает, не от нервозности — от задумчивости. Было время ее разглядеть. Красивая, да. Если начать вспоминать кино, то... пожалуй что, никого определенного не приходит в голову. Да и не дело — сравнивать. Похожа на мать. Позвонила, представилась — дочерью Киры, химика. «Помните? Русский музей, Ленинград». Сказала: «Насколько я понимаю, я также и ваша дочь». Несентиментальная. А он — немножко. Все бросил, собрался, приехал. На подарок денег нашел, на билет.

Вот она, популярность. Не так-то просто отделаться от Алены, да и от прочих дам, которые подходят с ним познакомиться, посоветоваться, но говорят не о самочувствии, а о том, как хороши были в прежние времена. — Да вы и теперь ничего, весьма, то есть он имел в виду... — Вы очень галантны, доктор. — Их внимание, честно сказать, ему льстит, некоторых он видел по телевизору.

— Смотрите, какой вы наделали переполох в нашем курятнике! — шепчет Алена. — Есть в вас такая... пронзительность. Вы настоящий. Расскажите мне что-нибудь. О себе не хотите, так о коллегах рассказывайте. Мне интересно все: как они ходят, как говорят...

— Тети такие. Обоего пола, — рассеянно произносит он.

— Замечательно! По когтю узнают льва. Если б вы написали пьесу...

— Я не пишу пьес, — он все же вовлекся с ней в диалог.

Алена удивлена: как так?

— Копыто, по-видимому, не раздвоено. — Слышит Кира его или нет?

— Таковую пьесу, — Алена точно уже не слышит, — что я пришла на прием, а вы меня смотрите, трогаете, вы, врачи, ведь чувствуете руками, да? — Алена кажется почти раздетой, хотя и расстегнула-то одну пуговицу. — И, потрогав, спрашивает между прочим: а у вас была онкология? Я отвечаю: не было. Почему? Почему вы спросили? А вы говорите: да, в общем, так, ничего... И пальцами по столу барабаните. Погодите, вы должны объяснить! И вы голосом, каким разговаривали с Анастасией Георгиевной, произносите: полноте, уверяю вас... А я выхожу и гляжу... На листочки, на домики... Но уже по-другому, иначе, чем глядела на них перед тем, как побывала у вас.

Он на минуту поддался обаянию ее игры, не больше того, нет-нет. Только что это за вопрос — «онкология»? Так не спрашивают.

— Научите, как. — И тут же обращает его внимание на Кирилла, на жениха.

Тот поставил на стол автобус, не утерпел, говорит что-то Миле ласково.

— Кирилл никогда не берет такси. Не курит, не тратится ни на что лишнее, — шепчет Алена, как она умудрилась про все разузнать? — Скажите, доктор, можно любить мужчину, который не тратится ни на что? Я б не смогла.

Период его увлечения театром заканчивается.

— Любовь, доктор, любовь внезапная — самостоятельна, прихотлива... В ней читается чужая воля... Влечение, неотвратимое и таинственное. Это загадка, почему мы хотим — его, ее. Но безошибочно определяем... организмом, кого хотим, вы согласны со мной? Я, видите ли, ортодоксальна, — Алена заканчивает тоном последней искренности, — но не замужем.

Кто-то должен ему помочь. Кира поглощена изучением пирожного, Сому тоже не до него. Петя, Петечка, осветитель. Плохо стоит на ногах и речью владеет неважно. Требуется консультация: каждый день раскалывается голова.

— Такое чувство, что мозгу в ней не хватает места.

И шум в голове? — И шум.

— Шум трения мыслей. — Эмиль говорит чуть громче, чем следует. Быстро он обучился актерскому мастерству.

— Издеваешься, доктор? — Петя берет его за руку, заглядывает в глаза. А руки у Пети сильные. — Выпендриваешься перед... — кивает в сторону Киры.

— Может, немного. Прости.

— Это ничего, это мы можем понять. — Петя меняет местами его тарелки-рюмки с Алениными, кажется, даже шлепает ее под зад — со мной пошли! — и объявляет:

— Прошу поднять бокалы за родителей нашей Милы.

Гости уже с трудом отрываются каждый от своей еды, болтовни. А Петя истошно орет:

— Горько! Го-о-орько!

Как же, при всех?.. Эмиль смотрит на Киру, подходит к ней.

— Горько!!! — не понимает Петя.

Поцелуй выходит формальным. Но на душе у Эмиля не то что лучше, а просто совсем хорошо. Хотя и слов еще за сегодня между ними не было сказано. Когда он только вошел, неподалеку от нее сел, она улыбнулась, кивнула, но всего-то и произнесла: «О, привет».

А ведь может выйти и так, что они поговорят, посидят, и останется все на уровне прикосновений, запахов, переглядываний, случайных фраз, одного дитяческого поцелуя...

— Ты присмирел, — теперь говорит она.

— Постарел?

— Нет, именно присмирел. Меньше стало мальчишества.

— Любишь мальчишество? — спрашивает Эмиль.

Кира кивает.

Пауза.

— А в Кирилле мальчишество есть?

Она показывает: погляди, как он смотрит на свой автобус! Двухэтажный, в автографах. Не автобус — мечта.

И уже без слов: как тебе твоя дочь? Эмилия — так Кира ее назвала: Эмиль и я — девочка-шарада, девочка-ребус, новый химический элемент, очень легкий — в хорошем смысле, не то что — взвешен и найден легким, нет.

Легкость она унаследовала от матери. Та даже не прервала учебы, чтобы ее родить. Разумеется, были и дедушка с бабушкой, и другие счастливые обстоятельства. Это свадьба, не будем про быт. Для кого-то он становится тяжелой работой, а для кого-то и отдыхом, особенно в наши дни. Иудеи превратили хлопоты по хозяйству в служение Всевышнему, но то иудеи. Для мамы ее это тоже своего рода служение: как там про пирожки и про то, чтоб было все хорошо?

Кстати, об иудеях. Кирилл — из-за мамы не назовешь его Кирой — сказал тут на днях: «Как мне нравится, когда у тебя проступают семитские черты!» — жулик, знал уже про отца.

Не то чтобы Мила раньше не интересовалась своей историей. Спрашивала, еще перед школой, лет в пять. Мама тогда сказала, что купила ее в «Детском мире».

— А теперь скажи, как на самом деле, — попросила Мила.

Кира в тот момент растерялась, а Мила нет:

— Не хочешь? Тогда опять расскажи, как купила меня в «Детском мире».

И только этой весной, когда повстречалась с Кириллом, когда они с Георгием Константиновичем доставили ее прямо домой, опять спросила, но поскольку захвачена была другим, то — чуть-чуть, на десять копеек, и Кира ответила — на пятнадцать, что был короткий роман — или сказала: история? — нет, тоже иначе, — встреча, но Мила заторопилась послать эсэмэску Кириллу, а потом стала ждать, что тот напишет в ответ, и Кира не успела сообщить главного: что Эмиль не бросал ни ее, ни Милу, что он ни о чем не знает, — не успела, потому что легла спать. А Мила даже не задала вопроса, жив ли этот самый Эмиль.

Можно было бы, разумеется, поговорить и в дневное время, но такие вещи лучше обсуждать вечером или ночью, а они уже были заняты для нее другим. Все же Мила отметила про себя, что Эмилия Эмильевна — не просто словосочетание вроде Иванываныча, что есть (или был) — Эмиль, и даже решила, что мама зовет ее Милой, потому что «Миля» зарезервировано за Эмилем. Но Кира, конечно, никак его не звала.

Перед тем, как, наконец, перейти к Кириллу, — два слова про математику, необычный вид деятельности для современной девочки: собиралась бы она стать актрисой или, скажем, экономистом, и ничего не надо было бы разъяснять. Сначала Милу учили музыке, но как-то безрезультатно, хотя, кажется, были и способности, и желание, а вот с математикой сразу пошло. Училась она в той же школе, которую совсем недавно окончила Кира, и однажды после какого-то ее хулиганства — а Мила их совершала, как и все остальное, задумчиво, и всегда попадалась — учительница ей велела явиться с матерью, но, вспомнив Киру, махнула рукой.

И, конечно, как все нормальные люди, самые важные свои решения — поступить на мехмат, выйти замуж, поискать отца — Мила принимала не при полном блеске сознания, не взвешивая, не рассуждая, не определив понятия. Что это вообще за разговоры такие — давайте определим понятия? Они ведь определяются не за письменным столом, тем более — не за кухонным или свадебным. В случае с Милой это произошло по ходу следования автобуса номер шестьсот шестьдесят один в парк.

Весной стояли под металлическим козырьком, большой толпой. Был дождь, и когда подошел автобус, то все к нему быстро двинулись, а Мила о чем-то думала и задержалась.

— Тоже Маршала ждешь? — Кирилл оглядывает автобус, не торопится в него залезать.

— Маршала? — Мила не знает, о ком идет речь.

Они немножко знакомы с Кириллом: по кафедре, по физкультуре, знают друг друга по имени, его нет ни в «ВКонтакте», ни в других социальных сетях. Не интересуется параллельной реальностью — а как же автобусы? — Автобусы — реальность не параллельная, а настоящая. — Все это Миле еще предсто-

ит узнать, как и свыкнуться, например, с тем, что троллейбусы — неполноценный транспорт, с их проводами, усами, с педалью тормоза под левой ногой. Да, он знает троллейбусы, чего там знать? С первого по восемьдесят седьмой, девяносто пятый и две букашки — красная с черной, но это все примитив, евклидова геометрия, как трамвай.

А Маршал — старейший водитель Первого автобусного парка Москвы. Зовут его Георгием Константиновичем, но водители говорят — Маршал. Вероятно, из уважения. Скоро подъедет, уже должен был, или, погоди-ка, — Кирилл просчитался — у Маршала начался отстой. Водители работают по восемь часов с двумя перерывами: обед и отстой.

Кирилл видит, что она никуда не торопится: дождемся легендарного Маршала, тем более — дождь кончается, почему бы не погулять? Кириллу есть чего рассказать, и вот они уже идут мимо аллеи со статуями разных деятелей — к Воробьевым горам, к набережной, проходят под метромостом — к Андреевскому монастырю, а там уже и Нескучный сад, и Кирилл рассказывает обо всяких необыкновенных случаях: как сто семьдесят седьмой ходил от Зарево-го проезда до Челобитьева, а потом заметили, что — непорядок, Челобитьево — не Москва, и переименовали — в пятьсот двадцать третий, номера сто—двести не должны выходить за пределы Москвы, но — Кирилл трясется от смеха — двух месяцев не прошло, как Челобитьево стало Москвой, и — что теперь делать? — его переименовали в восемьсот двадцать третий! Потому что сто семьдесят седьмой маршрут уже организован был от «Выхино» до Жулебино. Мила, как ни увлечена, — любое чистое знание привлекательно, будь то звезды или насекомые, — но замечает: Кирилл старается сделать так, чтобы она не увидела надписей на изнанке метромоста. «Я не могу без тебя!!!» — единственная среди них приличная.

Огромная получилась прогулка. Кирилл — неспортивный, тяжелый — устал. Сумерки. Маршал несколько раз уже съездил от МГУ до Новаторов и обратно. И вот, наконец, они залезают в автобус, Маршал — худой прокуренный дядька, похож на артиста советских времен, и Кирилл просит Милу не сходить у метро, ехать с ним до конца. У него вдохновение, и обстоятельства ему на руку, это последний сегодняшний рейс Георгия Константиновича, с Новаторов он отправляется в парк. Адрес парка Кириллу известен. — Где он время находит учить это все? — А учить ничего не приходится, адрес парка он просто знает, как Мила — свой собственный. Кстати, пусть назовет.

И вот уже свет в салоне погашен, и в совершенно темном автобусе Кирилл доставляет ее домой. Неизвестно, дорого ли ему стоило изменить маршрут шестьсот шестьдесят первого, скорее всего, — ничего, это вопрос не денег, а солидарности. В автобусе только они вдвоем и шофер. И Кирилл рассказывает, как ребенком рассматривал фотографии водителей, как спрашивал у мамы — зачем продают портреты артистов, писателей? — вот чьи портреты надо бы продавать! — и мама смеялась и соглашалась с ним, а отец восклицал: «Но! Все-таки!» — он-то как раз артист. А потом отец купил ему карту наземного транспорта, Кирилл забрался на стол и ползал по ней, а карта стала скользить, и они упали, карта и мальчик, и у мальчика пошла кровь, но он не заплакал, а

мама ужасно ругала отца. И Мила видит, что тогда-то Кирилл, может быть, не заплакал, зато плачет теперь, в темноте, потому что вскоре после его поступления в университет отец ушел. Настоящие слезы, он их даже не пытается скрыть.

И Мила, придя домой и быстро спросив у мамы про собственного отца, ее недослушивает и бросается писать эсэмэску Кириллу: «Думаю о тебе, как подорванная», — прямо так.

И вскоре они с Кириллом совершенно естественно оказываются на даче, уже подзаброшенной, дача теперь в его ведении, Анастасии Георгиевне здесь неприятно бывать. Кирилл приезжает накануне, пробует сделать, чтоб было уютно, но выходит, конечно, пародия на уют.

Всякое любовное действие получается у Кирилла немножко навзрыд, так что отношения их развиваются на пространстве Милиного — Аленушка выразилась бы грубо — организма, туловища, но можно точнее указать — солнечного сплетения и Кирилловой психики, говоря по-простому, — души. И у Милы — чувство вступления во взрослую жизнь, бесповоротного, но не такого бравого, какое было когда-то у ее матери.

Они идут дорогой вдоль поля, Милу тянет гулять, Кирилл предпочел бы еще поваляться, он и тут высматривает местечко прилечь — подожди, давай хоть до леса дойдем. В лесу колко, надо надеть сандалии, Кирилл становится на колени, принимается помогать. — Если бы это были коньки, ты бы их зашнуровал мне, как... кто? Забыла. Запутался в ремешках? Он трогает небритой щекой ее ногу, она рассматривает завитушки у него на темени. Стал немножко уже лысеть. От его головы пахнет дорогой, пылью, июльским днем. Никакой романтической истории, ничего как будто бы не случилось, а вот, надо же, теперь они муж и жена.

Совсем накануне свадьбы спросила у мамы уже не на десять копеек — на рубль. Не составило труда его разыскать. Позвонила, сказала: «Насколько я понимаю, вы мой отец». Он врач, следовательно, готов ко всяким внезапностям. Дала время прийти в себя, объяснила, как добраться от «Павелецкой» до ресторана.

А почему мама сама этого раньше не сделала? Не было Интернета? Сначала, конечно, не было... Мила читала книги, смотрела фильмы про женщин, которые добиваются счастья, сражаются за него. Считается правильным — добиваться, сражаться, особенно в нашем кино: нет ничего важнее, чем счастье. Мама у нее не такая, не похожа ни на кого. И целомудрие понимает иначе, чем некоторые мамы — те, что любят стращать дочерей: потерей невинности, необратимостью, отсутствием гарантий.

Кира в настроении шутить: не чини того, что не сломалось, — разве им плохо вдвоем? Обе, однако, знают, почему она не искала Эмиля, хотя прямо, конечно, не формулируют: нет такого обеспеченного законом права, чтобы тебя любили, были обязаны тебя любить. Ему однажды было хорошо в увольнительной. Ей тоже, очень. И что с того? Да и образ юноши с головой цвета солнца за давностью чуть померк. Но он ведь и не скрывался, так что — никакой тяжести.

Он и теперь не скрывался. Больше того, у всех на виду заснул.

Сон — это ли не знак доверия водителю, когда пассажир спит? Но Эмиль не в машине и не в автобусе, а на свадьбе дочери. Подумаешь: не спал ночь, — ему часто приходится не спать ночами. Как же так вышло?

А вышло так: рядом с Кирой ему стало настолько пугающе хорошо, что он не знал, как этим распорядиться, стал болтать, хвастаться, выпил несколько рюмок, потом вышел в переднюю, впервые за долгое время выкурил сигарету, а потом сел на диван и на несколько секунд, как он думал, прикрыл глаза. А когда открыл, то мир на мгновение ему показался, как в детстве, счастливым, круглым, но потом он заметил, что в нем не хватает каких-то частей: сделалось странно тихо, и исчез домашний кинотеатр.

Но у входа стоит Кира в длинном своем красном платье и на него смотрит.

— Где Мила? Где все?

Уехали, только что. Не решились его будить. Мила сказала: он же устал, пока долетел из своего Краснодара или Красноярска, Мила путает города. Взяли математическую компанию, бутылки, еду, подарки и отбыли. На дачу, праздновать.

— А эти, артисты?

Подхватили Сома и тоже куда-то двинулись. Почти все.

— На цыпочках?

Кира смеется: артисты умеют тихо ходить.

Ни с кем он не попрощался. Ладно, что же теперь?

— Пошли к гостям? — Она дает ему руку. Он берет ее, но сидит, не встает.

— Погоди, надо собраться с мыслями.

Ему снился сон. Сон такой: они с Кирой стоят в каком-то московском дворике, вроде того, что тут, и смотрят на борьбу, даже не борьбу — возню, красивых восточных юношей. Ему тоже хочется поучаствовать. Юноши ласковы: не поймешь, есть угроза от них или нет. Он начинает возиться, бороться, оглядывается, а ее нет. Почти наверняка отошла и смотрит из-за веток, кустов, а вдруг нет?

— А когда я пытался помочь этой женщине, с обмороком, ты за меня болела?

Да, отвечает Кира, ей хотелось, чтоб все обошлось.

— Но ты меня хоть немножко вспомнила?

Когда он голову наклонил... да. Припомнила.

Эмиль злится на самого себя: почему надо все облекать в слова? Сказала же: да. Что поделаешь? — хочется, прямо-таки необходимо — он обводит пространство руками, — завоевать любовь вот этого вот всего.

Она понимает: хочется, необходимо.

— Пошли к гостям?

Вот что его еще беспокоит: она его не зовет по имени, ни разу не назвала.

Кто он ей? — так Кира поняла вопрос.

— Ты мне — ты. — Улыбается. — Ну же, идем.

Праздник, в сущности, кончился. Последние гости — Петечка и Алена. С Петечкой разговор невозможен: лежит головой на пустой тарелке, ужасный вид. Но с Аленой тему найти легко.

— Мой однокурсник, — она называет фамилию, — работает режиссером в шахтерском городе. Даже не город, поселок. Называется, знаете как? — Вечность. Был когда-то большой. Теперь шахты позакрывали... Никого не осталось, играют при пустом зале, а мой этот друг не уедет никак...

— Театр теней? — спрашивает Эмиль.

— Нет, почему? Драмтеатр... Говорит: пока есть театр, есть город, есть жизнь.

Поселок Вечность, ну надо же... Алена, что вы? — не плачьте, пожалуйста.

Говорят, что театр — это искусство грубое. Какое же оно грубое?

Ресторан закрывается.

— Дай я возьму тарелку, — произносит над ухом у Петечки Фофан.

Тот бормочет сквозь пьяный сон:

— Хрен тебе в сумку, чтоб сухари не помялись.

Алена его отвезет. Утром поможет поправиться, завтра нет репетиции... Вот и Алена пристроена, относительно.

— Ну же, голубчик, идем. Помогите, пожалуйста, доктор. — За ними машина приехала.

Спрашивает у Киры:

— Вас довезти? — Интересно, куда направится Кира. И в каком составе.

Кира немножко задержится. Все ясно с ней.

Кира с Эмилем — последние посетители. Всюду праздничный мусор: оберточная бумага, ленточки, и среди них — брошенная записка: «Позвони мне, пожалуйста. Ты мне очень понравилась как человек. Фофан». И телефон. Кому Фофан написал записку? Кире? Миле? Алене? Елене Андреевне? — Никто из них не позвонит ему. А Алена могла бы. Из любопытства, из жалости. Да и Елена Андреевна.

Посольство Танзании, Пятницкая, движение одностороннее. Это если на машине, а так — иди куда ноги идут. Хороший в этом году сентябрь, но вечерами прохладно, Кира начинает дрожать.

Он обнимает ее:

— Люби меня, пожалуйста, не менее сильно, чем когда у этой... у мамы Кириллы был обморок.

— А ты меня — как заблагорассудится.

Он наклоняется к ней, целует в шею. Она не сопротивляется:

— Грустно, правда? Поселок Вечность. Да ты не слушаешь.

Он бы ответил: грустно, ужасно грустно, но, действительно, не слышит слов, и потом — им несколько не грустно: ни ему, ни ей.

Начинают так: «В наше непростое время...» А чем оно уж такое сложное? Время как время. Прежние времена не были проще нынешних.

Есть вещи серьезные — те, которые в новостях, — но совершенно неинтересные. Одни дяденьки меняются на других, колода тасуется: медь звенящая, шелест карт. Интересней другие вещи: вот девушка в кожаных брюках и курточке снимает замочек с моста — с недавних пор завелся среди молодоженов обычай вешать на них замки, в знак нерушимости брака и все такое. Это не Мила, не следует беспокоиться: во-первых, Мила не носит кожаных брюк, а во-вторых... в общем, это не Мила. Кому-то жалко глядеть на девушку в черной коже, кому-то смешно. Кто сказал, что любой человек вызывает жалость? — гордая мысль, слишком гордая, чтоб быть правильной. Разбираться надо в каждом отдельном случае. Один гениальный писатель на старости лет ушел от жены, которая ему родила тринадцать детей, другой же, напротив, так и не предпринял замышленного побега. Целые книги пишут, изучают мотивы гения, а настоящего знания нет. Почему же мы думаем, что понимаем так называемых обыкновенных людей?

Недавнее происшествие: на всеобщее обозрение случайно выплыли эсэмэски от абонентов одного из сотовых операторов, много-много, десятки тысяч. Сенсация: ни экономика, ни текущая политическая ситуация, ни предстоящие выборы не беспокоят людей. Так всё — детали, мелочи, в основном же — любовь, любовь.

Вот, кстати, история про «потом», так и не рассказанная подполковником: его перебила Аленушка, а скоро он и сам забыл. Старушка, простая, почти неграмотная, которую подполковник наблюдал как врач, дожила до ста с лишним лет. Обоих мужей, естественно, давно уже нет в живых. — С кем я буду, когда умру? — задается вопросом старушка. — В Царствии небесном, — объясняют ей люди сведущие, — не женятся и не выходят замуж, так что будете — все втроем. — Николай Константинович (второй, то есть, муж), — отвечает старушка, — еще согласится с таким положением, но Николай Алексеевич — никогда.

История эта — не про Милу и не про Киру, прозванную кем-то из острословов-артистов Валькирией, — вот уж кому это имя совсем не идет! Не бывать ни той, ни другой неграмотными, живи они хоть до ста двадцати. Но, возможно, Кира ли, Мила, скажет когда-нибудь: «Ничего вроде и не случилось: встретились мальчик, девочка... А теперь — его нет, а я не могу жить... Что это было, а?»

Правда, что? Эта свадьба, артисты, автобусы, математики, их родители — Кира, Вершинин, Анестезия, Сом. Коробки в передней, обморок, переполох в курятнике. Что из этого получилось? И что получится?

Много историй. Не о работе и не об отдыхе — о любви.

ноябрь 2011 г.